

Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 40–47.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2026; 2 (75), 40–47.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 677.07(470.56)

DOI 10.47475/1999-5407-2026-75-2-40-47

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПУХОВЯЗАЛЬНОГО ПРОМЫСЛА (XVIII–XX ВВ.)

Николай Андреевич Захаров

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

web56@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному культурологическому анализу ключевых факторов, определивших становление и развитие оренбургского пуховязального промысла, рассматриваемого как уникальное явление материальной культуры России. В отличие от исследований, фокусирующихся на технологических или художественных аспектах, данная работа выявляет и систематизирует историко-культурные детерминанты, которые способствовали трансформации локального ремесла в общенациональный бренд. На основе исторических, этнографических и краеведческих источников автор выделяет четыре основных этапа и соответствующих им фактора.

К ним относятся: 1) этнографический фактор кросс-культурного обмена (середина XVIII века), основанный на заимствовании оренбургским казачеством (казачками, преимущественно) у кочевых народов опыта сбора и обработки козьей шерсти и синтез с русскими вязальными техниками; 2) государственно-административный фактор (вторая половина XVIII в.), связанный с научным описанием пуховязального дела в Оренбургской губернии П. И. Рычковым и его проектом по организации доходного промысла; 3) транспортно-инфраструктурный фактор конца XVIII – начала XX века, обеспечивший интеграцию промысла в общероссийский и мировой рынок через ярмарочную сеть и участие в выставках; 4) экономико-производственный фактор советской модернизации (1920-1980-е гг.), характеризующийся попыткой индустриализации промысла через артели и фабрику при сохранении его основы – уникального ручного труда мастериц.

В статье делается вывод об устойчивости оренбургского пуховязального промысла, основанного на взаимообусловленности трех важнейших аспектов: уникального природного сырья, наличия механизмов межпоколенной трансляции уникальных навыков пуховязания и способности институтов адаптировать ремесло к требованиям различных эпох, извлекая из него символический и экономический капитал.

Ключевые слова: промысел, Оренбург, казачество, пуховязание, оренбургский пуховый платок.

Для цитирования: Захаров Н. А. Историко-культурные факторы формирования и развития оренбургского пуховязального промысла (XVIII–XX вв.) // Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 40–47. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-40-47

Original article

HISTORICAL AND CULTURAL FACTORS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ORENBURG DOWN-KNITTING INDUSTRY (XVIII–XX CENTURIES)

Nikolay A. Zakharov

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia

web56@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive cultural analysis of the key factors that shaped the formation and development of the Orenburg down-knitting industry, considered a unique phenomenon of Russian material culture. Unlike studies focusing on technological or artistic aspects, this work identifies and systematizes the historical and cultural determinants that contributed to the transformation of a local craft into a national brand. Drawing on historical, ethnographic, and local history sources, the author identifies four main stages and corresponding factors.

These include: 1) the ethnographic factor of cross-cultural exchange (mid-18th century), based on the adoption by the Orenburg Cossacks (primarily Cossack women) of the collection and processing of goat wool from nomadic peoples and their synthesis with Russian knitting techniques; 2) the state-administrative factor (second half of the 18th century), associated with the scientific

description of the down-knitting industry in the Orenburg province by P. I. Rychkov and his project to organize a profitable industry; 3) the transport and infrastructure factor of the late 18th – early 20th centuries, which ensured the integration of the industry into the national and global markets through a network of fairs and participation in exhibitions; 4) the economic and production factor of Soviet modernization (1920-1980s), characterized by an attempt to industrialize the industry through artels and factories while preserving its foundation – the unique manual labor of craftswomen.

The article concludes that the sustainability of the Orenburg down-knitting industry is based on the interdependence of three key aspects: unique natural raw materials, the presence of mechanisms for the intergenerational transmission of unique down-knitting skills, and the ability of institutions to adapt the craft to the requirements of different eras, extracting symbolic and economic capital from it.

Key words: trade, Orenburg, Cossacks, down knitting, Orenburg downy shawl.

For citation: Zakharov N. A. (2026). Historical and cultural factors in the formation and development of the Orenburg down-knitting industry (XVIII–XX centuries). *Chelyabinskij Gumanitarnij*, 2 (75), 40–47. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-40-47

Оренбургский пуховый платок – явление, выходящее за рамки утилитарного предмета одежды, ставшее культурным символом оренбургского региона и России в целом. Его зарождение – результат сложного синтеза природных условий, этнографических традиций и целенаправленной государственной политики. Целью данной работы является реконструкция основных исторических этапов формирования промысла в контексте анализа совокупных факторов, способствовавших его зарождению и развитию. Стоит отдельно заметить, что и в советской, и в современной исследовательской литературе основной акцент делался и делается, главным образом, либо на производственно-технологических (Бурова 2024, Яньшина 2022), либо на художественно-декоративных (Васильченко 2023) аспектах оренбургского пуховязального промысла. Мы же, признавая значимость данных вопросов, предлагаем акцентировать внимание на причинах, условиях и детерминирующих факторах появления и становления данного вида художественной деятельности.

С культурологической точки зрения изучение оренбургского пухового платка сегодня представляет собой не просто узкоспециальный анализ локального ремесла, а исследование «живой призмы», через которую преломляются значимые историко-культурные процессы и явления. Значимость изучения оренбургского пухового платка с точки зрения культурологии, на наш взгляд, сводится к следующим позициям.

Во-первых, будучи результатов симбиоза кочевой и оседлой культур, он выступает физически воплощением культурного диалога. Во-вторых, платок – это семиотически насыщенный текст, осмысление которого открывает доступ к семантическим и визуальным кодам региональной и национальной русской культуры. В-третьих, история оренбургского пуховязания – идеальный кейс для изучения специфик адаптации, трансформации и модернизации традиционных промыслов в различных социокультурных условиях. В-четвертых, оренбургский платок выступает яркой иллюстрацией процесса культурного производства и работы «экономики символов», его изучение позволяет понять природу создания и функционирования культурных ценностей и культурных брендов.

Таким образом, оренбургский пуховый платок для культурологии – это не столько исследовательский объект, сколько эвристичный метод. Это компактная, но невероятно плотная по смыслу модель, позволяющая изучать ключевые культурные процессы: диалог, символообразование, трансляцию традиции, конструирование идентичности, взаимоотношения человека, материала и технологии. Его изучение – это вклад не только в сохранение наследия, но и в понимание фундаментальных законов жизни культуры как таковой.

Вслед за И. В. Бушухиной, под оренбургским пуховым платком мы понимаем, во-первых, вязаный платок из козьего пуха и нити-основы; а, во-вторых, обобщенное наименование целой группы изделий, включающей теплый платок-шаль и тонкий, легкий, ажурный платок-«паутинка» (Бушухина 2012: 8).

На основе изучения исторических, историко-краеведческих, этнофольклорных и иных источников мы выделили ключевые факторы (и соответствующие им периоды) развития пуховязального промысла Оренбурга. Подчеркнем, что данный анализ осуществлялся сквозь культурологическую и историко-культурную призму и был направлен на выявление различных условий и обстоятельств, оказавших в разное время влияние на превращение данного промысла из локального типа досуга казачьих жен в объект материального культурного наследия и культурный бренд нашей страны.

1. Этнографический фактор: период кросс-культурного обмена в условиях фронта (середина XVIII века).

Зарождение пуховязального промысла неразрывно связано с процессом освоения Оренбургского края как пограничного фронта Российской империи и с активным взаимодействием русских переселенцев, прежде всего казаков Уральского (Яицкого) и Оренбургского войск, с коренным тюркским, в первую очередь, казахским и отчасти башкирским, населением.

Как указывает И. В. Бушухина, «заселение казаками земель Южного Урала преследовало государственные интересы, поскольку необходимо было защитить стратегически важные юго-восточные окраины империи.

Оренбургское казачье войско было учреждено Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1746 году» (Бушухина 2012: 14).

После массового переселения казаков на территорию Оренбургской губернии в данной социальной среде сложилась нестандартная хозяйственная ситуация. С одной стороны, государство не только накладывало на казаков обязательства, связанные с военной службой, но и поощряло у них земледельческие инициативы. С другой стороны, казачки и престарелые казаки, оставаясь без поддержки взрослого мужского населения, не могли полноценно обрабатывать землю и заниматься сельским хозяйством. Кроме того, земли, выделяемые казакам, часто были скудными или просто непригодными для возделывания. В этих условиях, казачки, обладавшие навыками домашнего прядения и вязания из шерсти, столкнулись с неизвестным им материалом – тончайшим пухом местной породы коз, который кочевые народы использовали для изготовления войлоков.

Дискуссионным является вопрос относительно источника пуховязальной технологии, полученной оренбургскими казаками. Историк и этнограф Р. Г. Игнатъев отмечал, что «киргизские женщины издревле владели искусством обработки козьего пуха... а казачки Оренбургской линии, переняв материал, усовершенствовали его обработку» (Игнатъев 1982: 38). При этом он обращает внимание на то, что собственно вязанием занимается только русское население, тогда как, например, башкирские женщины не умеют вязать на спицах, а те, кому такого рода изделия нужны, покупают на базарах и ярмарках.

Аналогичные мысли высказывает и А. П. Ельчина: «Что же касается других тюркоязычных народов Оренбуржья, то к ним техника вязания перешла еще позже. Например, казахи в начале XX века носили еще суконные, а не вязаные чулки. Ученые-этнографы отмечают, что и татары, и чуваша научились вязанию у русских. Подтверждением этому служат и названия узоров, используемых при вязании пухового платка, которые до сих пор носят русские имена – “кошачьи лапки”, “косорядки”, “глухотинки”, “гармошки” и т. п.» (Ельчина 2017: 33).

И. В. Бушухина, ссылаясь на содержание губернских отчетов 1874 года, подтверждает обозначенную выше точку зрения: «Как ни странно, население гражданской территории, проживающее рядом с казачьим, вырабатывает платков очень мало. Особенно удивительно, что меньше всего вяжут башкиры, которые держат достаточно коз. Кроме того, большинство башкирского населения и не знает, как это делается. Еще удивительнее, что киргизы, привыкшие вычесывать козий пух, не используют его, а весь пух продают соседям – оренбургским казачкам для платков» (Бушухина 2012: 18). Исследователь объясняет эту ситуацию тем, что местное население было занято сельским хозяйством, не имея времени на художественное творчество, тогда как казаки, обремененные военной службой, таким временем располагали.

Таким образом, справедливо было бы сделать вывод о том первоначальный этап развития пуховязального промысла можно назвать этапом ассимиляции и аккумуляции художественного опыта (с точки зрения источника формирования промысла), или повседневно-бытовым этапом (с точки зрения среды и формы его первоначального бытования). Он характеризуется симбиозом традиций и технологий: с одной стороны, сам способ сбора и первичной обработки сырья (козьего пуха) был заимствован у местного населения, с другой – технологию изготовления изделий из данного сырья можно назвать аутентичной и новационной. На наш взгляд, наиболее точно эту изначально синтетическую природу оренбургского платка подметил И. Уханов: «У калмыков и казахов вязка была сплошной, “глухой”, грубоватой. Уральские же казачки, знавшие кружева и вышивание, стали использовать в вязке платка русский растительный орнамент, живые мотивы, навеянные впечатлениями местной природы (Уханов 1986: 12).

2. Государственно-административный фактор: период научного описания и внедрения политической инициативы в контексте меркантилистской политики (1760-е гг.).

Решающий толчок к становлению промысла как организованного и известного за пределами края явления связан с именами государственных деятелей и ученых-естествоиспытателей эпохи Просвещения. Ключевую фигуру представляет П. И. Рычков. В работе «Опыт о козьей шерсти» (1766) писал: «Сия шерсть так нежна и мягка, что из нее можно бы делать самые тонкие ткани... что могло бы составить немалый приработок для жительствующим здесь казачьих и солдатских семей» (цит. по Мирошниченко 2017: 44–45).

В своей статье П. И. Рычков не просто констатировал факт значимости козьего пуха для местной экономики, а предложил конкретный план развития пуховязания как доходного промысла для местного населения, особенно для казачек. Он рассчитал потенциальную прибыль, что было весомым аргументом для привлечения внимания властей. Он первым установил связь между особыми климатическими условиями Оренбургского края и высоким качеством пуха местных коз, которые, как он предположил, могли быть потомками тибетских (кашмирских) коз.

Р. Г. Игнатъев подчеркивал, что П. И. Рычков не ограничился теорией. Его жена, А. Д. Рычкова, лично организовала в своем имении (село Спасское) мастерскую, где обучала казачек тонкому вязанию, соединяя местные приемы с техниками русского кружева. Именно изделия из этой мастерской были впервые

представлены в Санкт-Петербурге в Вольном экономическом обществе в 1770 г. и получили высокую оценку, включая золотую медаль для А. Д. Рычковой. Это событие Р. Г. Игнатьев считал отправной точкой официального признания промысла.

Важно, что его инициатива поддерживалась губернатором И. И. Неплюевым в рамках общей стратегии по экономическому укреплению нового региона и сокращению его дотационности (хотя Р. Г. Игнатьев указывает, что предложения Рычкова не были своевременно и в полной мере реализованы царской администрацией – это привело к тому, что инициатива в развитии промысла на десятилетия перешла к частным скупщикам).

Этот этап можно охарактеризовать как научно-административное проектирование промысла сверху, отвечавшее имперским задачам хозяйственного освоения.

3. Транспортно-инфраструктурный фактор: этап интеграции во всероссийский рынок и кризис ручного труда (конец XVIII – начало XX века).

После первоначального импульса промысел начинает развиваться стихийно, охватывая казачьи станицы по реке Урал и русские крестьянские села. Критическую роль в его коммерциализации сыграло развитие путей сообщения и ярмарочной сети. Оренбург, как главный торговый форпост с Азией, благодаря Меновому двору и Большой Оренбургской ярмарке, стал точкой сбыта не только для азиатских товаров, но и для местных изделий. Как указывал исследователь народных промыслов С. А. Давыдова, «платки везли на продажу в Оренбург, откуда они расходились по России с отъезжающими купцами и обозами» (Давыдова 1913: 145).

К середине XIX века окончательно складываются технологические и орнаментальные каноны, описанные позднее искусствоведом Б. Н. Граковым: «Узоры “горошек”, “цепочка”, “соты”... свидетельствуют о глубокой связи с архаичными пластами народного искусства, но их композиционная четкость обусловлена свойствами пуховой нити» (Граков 2022: 55).

Переломным моментом стало участие оренбургских платков во Всероссийской промышленно-художественной выставке 1862 года в Москве, где они были удостоены Медали «За полезное». Это событие, как отмечал историк Л. Н. Большаков, «легитимировало оренбургский платок как общероссийский бренд... однако поставило перед промыслом новые вызовы в виде растущего массового спроса» (Большаков 1986: 98).

Отметим, что впервые оренбургский пуховый платок был представлен на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году, получив там награду и внимание европейских торговцев. Еще одна международная выставка, на которой был представлен оренбургский промысел, состоялась в 1867 году в Париже. И. Уханов пишет еще об одной выставке в г. Чикаго: «Любопытное сообщение напечатано в газете “Оренбургские губернские ведомости” за 1897 год. В нем говорится, что на имя губернатора получено шесть бронзовых медалей с дипломами для вручения победителям выставки в Чикаго. Среди награжденных была и рукодельница Рычкова. В тексте диплома указано, за что последовала награда: “Американские Соединенные Штаты по постановлению конгресса уполномочили Всемирный Колумбов комитет при Международной выставке, устроенной в Чикаго, штате Иллинойс, в 1893 году, выдать медаль госпоже Рычковой (Оренбург, Россия) за присланные на выставку пуховые платки. Выставленный материал состоит из козьего пуха, искусно подобранного и расчесанного рукою, он отличается необыкновенной легкостью и шелковистостью. Изделия замечательны по своим оригинальным и богатым узорам, что свидетельствует о большой опытности в ручном вязании”» (Уханов 1986: 12).

Развитие железных дорог (открытие Самаро-Оренбургской железной дороги в 1877 году) резко увеличило доступность платков для центральных губерний, но одновременно привело к попыткам удешевления производства, появлению подделок и частичной стандартизации. Промысел, оставаясь в основе своей домашним, столкнулся с давлением фабричного текстиля. Кроме того, по словам И. Уханова, «успех, который приобрел пуховый платок, привлек в Оренбуржье многих предпринимателей, норовивших поживиться за счет труда кустарей» (Уханов 1986: 14).

Можно констатировать, что к 1870-м годам «оренбургский платок» сложился как узнаваемый торговый бренд с всероссийской и международной известностью.

Таким образом, кратко характеризуя данный этап отметим, что влияние транспортно-инфраструктурного фактора на развитие пуховязания в регионе, с одной стороны, было позитивным (появились новые заказы, рынки сбыта, выросли объемы производства и доходы), а, с другой – негативным (стремление к механизации производства, его удешевлению, упрощению технологии, сокращению производственного цикла и пр.).

4. Экономико-производственный фактор: этап модернизации промысла (1920-е – 1980-е гг.).

Оренбургский пуховязальный промысел в советский период пережил радикальную трансформацию. Его эволюция от мелкотоварного кустарного производства к формам плановой социалистической экономики представляет собой парадоксальный синтез принудительной модернизации и консервации традиционных ручных технологий. Специфика этого развития заключалась в глубоком противоречии

между идеологией, экономической практикой и культурной ценностью промысла, что сформировало его уникальную траекторию в XX веке.

С установлением советской власти промысел пережил радикальную реорганизацию. Ликвидация казачества как сословия и коллективизация подорвали его естественную социальную основу – домашнее хозяйство казаков и зажиточных крестьянок. Однако новая власть, видя в промысле источник валютных поступлений и элемент «социалистической культуры», взяла его под контроль. И. Уханов, анализируя Декрет ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» (1919 г.), отмечал, что государство брало на себя обязательства по поддержке народных промыслов, преобразованных в мелкую и кустарную промышленность, путем государственных заказов и интеграции в общий план снабжения ресурсами и топливом: «Важно было собрать распыленные в прошлом художественные силы кустарей и направить их труд прежде всего на потребу хозяйственного быта» (Уханов 1986: 17).

В 1920-30-е годы создаются пуховязальные артели («Пуховязальная артель», «Красный пуховязальщик»), которые централизовали заготовку сырья, сбыт и отчасти организацию труда, но сохраняли ручное вязание на дому. Как писал экономист А. В. Чайнов, изучавший кустарные промыслы, «артельное движение позволило мельчайшим кустарям... противостоять давлению рынка, обеспечив сбыт и снабжение качественным сырьем» (Чайнов 1927: 10).

В логике советской индустриализации артели рассматривались как переходная форма. С конца 1930-х, а особенно после войны, начался процесс их укрупнения и преобразования в государственные фабрики (например, Оренбургская пуховязальная фабрика). Это ознаменовало новый этап специфики: частичная механизация при сохранении ручного ядра. Были механизированы подготовительные операции: сортировка, мойка, ческа пуха, прядение нити. Однако ключевой процесс – вязание ажурного платка-«паутинки» – оставался сугубо ручным, высококвалифицированным трудом. Как точно отмечала исследователь Т.А. Жабрева, фабрика «смогла механизировать лишь процессы подготовки пуха и прядения, в то время как само вязание... осталось сугубо ручным... трудом, перенесенным в цеха» (Жабрева 2018: 186).

Это создавало уникальную для советской промышленности ситуацию: в рамках индустриального предприятия существовали цеха ручного труда, где мастерицы сидели за станками (простейшими рамочными приспособлениями), воспроизводя древние приемы. Н. И. Ковалева отмечает, что «соседство машинного и ручного производства сохранилось до сего дня. Они мирно существуют рядом, не конкурируя, а дополняя друг друга» (Ковалева 2018: 225).

Экономическая эффективность такого производства была низкой, что компенсировалось его идеологическим и экспортным значением.

Значимым изменением было также и то, что промысел перешел под юрисдикцию мощных ведомств: сначала Наркомместпрома, затем – системы Министерства местной промышленности РСФСР и всесоюзного Художественного совета по народным художественным промыслам. Это означало унификацию требований, стандартизацию ассортимента и подчинение творческого процесса плановым заданиям.

Еще одно важное нововведение – диктат диктат плановой экономики над творческим процессом. Дореволюционный платок был уникален, каждая мастерица имела свой «почерк». В советское время работа строилась по образцам-эталонам, утвержденным художественным советом. На фабриках появились художники – «рисовальщицы», создававшие шаблоны узоров. Однако в условиях плана четкость часто оборачивалась схематизацией. Мастерица-вязальщица стала исполнительницей, а не создателем. Это привело к эрозии локальных школ внутри промысла (казачья, татарская, мордовская) и созданию единого «оренбургского» стиля.

Партийные и хозяйственные постановления постоянно касались вопросов качества. Среди основных проблем в этой связи можно назвать:

1) Разрыв связи «материал – изделие». Раньше мастерица знала пух своих коз и прядла нить под конкретный узор. Теперь она получала на фабрике стандартную нить, зачастую низкого качества из-за нарушений в заготовке сырья. Это вело к утяжелению «паутинок», потере их главного свойства – проходить через кольцо.

2) «План любой ценой». Давление валовых показателей провоцировало брак, упрощение сложных узоров, использование хлопчатобумажных или шерстяных добавок для ускорения работы. Подлинные пуховые платки становились дефицитом, их место на рынке занимали грубые сувенирные подделки, дискредитировавшие бренд.

3) Проблема сырьевой базы. Коллективизация подорвала традиционное козоводство в казачьих и крестьянских хозяйствах. Заготовка пуха превратилась в государственную кампанию, часто проводимую с нарушением сроков (пух вычесывался не в сезон), что снижало его качество.

Данный этап характеризуется двойственным, или даже противоречивым характером: при внедрении индустриальных технологий, попытке перевести пухопрядение в категорию фабричного производства, заменить ручной труд машинным, при стремлении подчинить его плановой экономике продолжает

сохраняться «сердце промысла» (И. В. Бушухина), основанное на уникальном ручном навыке.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить четыре ключевых этапа в развитии оренбургского пуховязания, каждый из которых был обусловлен комплексом внешних и внутренних факторов:

1. Этнокультурный симбиоз на фронтире (сер. XVIII в.): взаимодействие казачьей и кочевой культур в условиях пограничья.

2. Научно-административное проектирование (1760-е гг.): имперская политика хозяйственного освоения через инициативы просвещенной бюрократии.

3. Товаризация и влияние транспортной сети (кон. XVIII – нач. XX вв.): становление рыночного промысла благодаря ярмарочной системе и караванным путям; признание на уровне национального бренда под давлением фабричного производства.

4. Советская модернизация (1920-е – 1980-е гг.): попытка вписать уникальное ремесло в плановую экономику через модель артели и фабрики с сохранением ручного труда.

Генезис и эволюция оренбургского пуховязания – это история адаптации локального ремесла к вызовам имперской, а затем советской модернизации. Промысел продемонстрировал удивительную устойчивость благодаря неразрывной связи уникального природного сырья, консолидированного женского навыка, передающегося из поколения в поколение, и способности производственных и властных институтов извлекать из этого символический и экономический капитал, не уничтожая при этом основу явления – ручное творчество.

Хочется отдельно подчеркнуть, что в рамках данной статьи и в целом – в рамках проводимого нами исследования не ставим перед собой задачу продублировать историко-архивный и этнографический материал, связанный с возникновением и становлением пуховязального промысла в Оренбурге. В целом эта задача решена рядом известных ученых советского времени и современного периода. На наш взгляд, значимым представляется факторный анализ развития промысла, демонстрация его феноменологических черт и признаков. И в этом контексте историческая ретроспекция – это лишь иллюстративный и доказательный материал для культурологических обобщений. В их рамках мы выделили специфические черты оренбургского пуховязального промысла, характеризующие его в период зарождения и последующего существования (XVIII-XX вв.) (специфика развития промысла на современном этапе – это предмет специальных научных изысканий):

1) Адаптивность (способность к ресурсной, технологической, производственной, художественной трансформации в различных социальных, политических и экономических условиях).

Приведем несколько примеров такого рода адаптивности.

Изначально сырьем служил пух от местных коз, выведенных методом народной селекции (помесь придонской грубошерстной и кашмирской). Когда в конце XIX века спрос на платки вырос, а собственного пуха стало не хватать, мастерицы и скупщики начали импортировать пух из Монголии и Средней Азии. Промысел адаптировался, научившись работать с импортным, часто более грубым, сырьем, не теряя при этом качества изделия. В годы войны фабрики перешли на выпуск не ажурных «паутинок», а теплых пуховых платков, носков, перчаток для фронта. Здесь проявилась адаптивность художественной формы под острый социальный запрос — промысел временно стал сугубо утилитарным. Промыслу пришлось адаптировать свой семиотический ряд. Если до революции популярны были узоры с православной символикой («кресты», «свечи»), то в советское время они были вытеснены нейтральными геометрическими и растительными мотивами («горошек», «соты», «ягодки»). Более того, появились платки с советской символикой (звезды, серп и молот) для партийных съездов и выставок.

2) Устойчивость (наличие интенции к сохранению базовых признаков ремесла, обеспечивающих его аутентичность).

Несмотря на все адаптации, промысел сохранил «генетический код», позволяющий отличить аутентичное изделие от подделки. К элементам такого «кода» можно отнести: технологические принципы (ручное вязание на длинных спицах с использованием особых приемов; материальная основа (пух оренбургской козы); ключевые эстетико-функциональные установки (сочетание красоты, ажурности и тепла); технологический и презентационный маркер (способность ажурного платка пройти через обручальное кольцо).

3) Синкретичность (гармоничное сосуществование различных в точки зрения этнографического происхождения, производственных оснований, социального заказа и пр. технологических, знаково-символических, эстетико-художественных традиций внутри единого пуховязального промысла).

Отметим, что русские казачки и крестьянки привнесли сложнейшую технику ажурного и плотного вязания на спицах и крючком, унаследованную от европейских традиций, а также форму изделия (большой треугольный или квадратный платок-покрывало, типичный для славянского костюма). Позднее в промысел включились татарские и мордовские мастерицы, добавившие свои орнаментальные предпочтения. Кроме

того, в одном промысле мирно уживались домашнее производство (для себя, на заказ), мелкотоварное кустарничество (на продажу скупщику) и фабричная артель (для выполнения государственного плана).

4) Территориальная детерминированность и обособленность (развитие промысла в условиях наличия уникального, автохтонного сырья и социальных агентов-исполнителей, и отсутствие территориальной мобильности промысла даже после появления альтернативных ресурсов и производственных сил).

В качестве иллюстрации данной особенности приведем советский период развития промысла. В советское время государство могло завозить пух из других регионов, а фабрики могли нанимать работниц со стороны. Но ядро производства – лучшие мастерицы, технологи и художники – оставались локальными. Художественные образцы, эталоны качества и само «ноу-хау» производства нити и вязки не мигрировали. Даже сегодня, при наличии дешевого импортного пуха и машинного вязания, бренд «Оренбургский» законодательно и культурно защищен географическим указанием, подчеркивая его неотделимость от территории. Он не стал мобильным производственным цехом, как, например, ткацкое или швейное дело; он остался культурным явлением, привязанным к конкретной земле.

Список источников

- Большаков Л. Н. Оренбургская шаль. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство. 1986. 204 с.
- Бурова М. Д. Генеративный искусственный интеллект как помощник дизайнера: пример проектирования коллекции на основе оренбургского пухового платка // *Костюмология*. 2024. Т. 9. № 2. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/12TLKL224.pdf>.
- Бушухина И. В. Оренбургский пуховый платок. Оренбург : ООО «Издательство “Оренбургская книга”». 2012. 184 с.
- Васильченко А. А. Трансформация природного мотива как метод формообразования орнамента пухового платка Оренбуржья // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2023. № 3 С. 119–134.
- Граков Б. Н. Орнамент оренбургского пухового платка: истоки и символика. Оренбург : Оренбургское книжное издательство. 2022. 108 с.
- Давыдова С. А. Оренбургский пуховый платок // *Русские художественные промыслы: Вторая половина XIX – начало XX века*. Санкт-Петербург. 1913. С. 135–162.
- Ельчина А. П. Пуховязальный промысел полиэтничного региона. Практика сохранения оренбургского пухового платка в художественном музее // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2017. № 3 (70). С. 31–35.
- Жабрева Т. А. Традиционные текстильные промыслы Урала в XX веке: институциональная трансформация: монография. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 2018. 351 с.
- Игнатьев Р. Г. Оренбургские пуховые платки // *Уральский пуховый платок / Сост. Н. Г. Егорова*. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство. 1982. С. 33–40.
- Ковалева Н. И. Оренбургские пуховые платки в собраниях Русского музея // *Платки и шали в России XVIII – начала XXI века в собрании Русского музея. Материалы и исследования*. Санкт-Петербург. 2018. С. 224–238.
- Мирошниченко О. В. Становление и развитие пуховязального промысла в Оренбургском крае (вторая половина XVIII – начало XX в.) // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2017. № 3 (23). С. 144–158.
- Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Законы. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О мерах содействия кустарной промышленности»: [принят 4-й сессией ВЦИК 26 рычиюля 1919 г.] // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР*. 1919. № 35. Ст. 349. С. 428–429.
- Уханов И. Оренбургский пуховый платок. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство. 1976. 126 с.
- Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Москва : Кооперативное издательство. 1927. 417 с.
- Яньшина М. М. Новые практические разработки в дизайне изделий на основе Оренбургского пухового платка // *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции*. Оренбург : Оренбургский государственный университет. 2022. С. 3652–3654.

References

- Bolshakov, L. N. (1986). *Orenburgskaya shal'* [Orenburg shawl]. Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Burova, M. D. (2024). Generativnyi iskusstvennyi intellekt kak pomoshchnik dizaynera: primer proektirovaniya kollektzii na osnove orenburgskogo pukhovogo platka [Generative artificial intelligence as a designer's assistant: an example of designing a collection based on the Orenburg downy shawl]. *Kostumologiya*, 9(2). URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/12TLKL224.pdf>. (In Russ.).
- Bushukhina, I. V. (2012). *Orenburgskiy pukhovoy platok* [Orenburg downy shawl]. ООО «Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”».
- Vasilchenko, A. A. (2023). Transformatsiya prirodnogo motiva kak metod formoobrazovaniya ornamenta pukhovogo platka

Orenburzh'ya [Transformation of a natural motif as a method of forming the ornament of the Orenburg downy shawl]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie»*, 3, 119–134. (In Russ.).

Grakov, B. N. (2022). *Ornament orenburgskogo pukhovogo platka: istoki i simbolika* [Ornament of the Orenburg downy shawl: origins and symbolism]. Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo.

Davydova, S. A. (1913). Orenburgskiy pukhovoy platok [Orenburg downy shawl]. In *Russkie khudozhestvennye promysly: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* (pp. 135–162). Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Elchina, A. P. (2017). Pukhovoyazal'nyy promysel polietnichnogo regiona. Praktika sokhraneniya orenburgskogo pukhovogo platka v khudozhestvennom muzee [Down-knitting craft of a polyethnic region. The practice of preserving the Orenburg downy shawl in an art museum]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, 3(70), 31–35. (In Russ.).

Zhabreva, T. A. (2018). *Traditsionnye tekstil'nye promysly Urala v XX veke: institutsional'naya transformatsiya* [Traditional textile crafts of the Urals in the 20th century: institutional transformation]. Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Ignatev, R. G. (1982). Orenburgskie pukhovye platki [Orenburg downy shawls]. In N. G. Egorova (Comp.), *Uralskiy pukhovoy platok* (pp. 33–40). Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.).

Kovaleva, N. I. (2018). Orenburgskie pukhovye platki v sobraniyakh Russkogo muzeya [Orenburg downy shawls in the collections of the Russian Museum]. In *Platki i shali v Rossii XVIII – nachala XXI veka v sobranii Russkogo muzeya. Materialy i issledovaniya* (pp. 224–238). Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Miroshnichenko, O. V. (2017). Stanovlenie i razvitie pukhovoyazal'nogo promysla v Orenburgskom krae (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.) [Formation and development of down-knitting craft in the Orenburg region (second half of the 18th – early 20th century)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 3(23), 144–158. (In Russ.).

Rossiyskaya Sotsialisticheskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika. Laws. (1919). Dekret Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta «O merakh sodeystviya kustarnoy promyshlennosti»: [prinyat 4-y sessiey VTsIK 26 iyulya 1919 g.] [Decree of the All-Russian Central Executive Committee “On measures to promote handicraft industry”: adopted by the 4th session of the All-Russian Central Executive Committee on July 26, 1919]. *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR*, 35(349), 428–429. (In Russ.).

Ukhanov, I. (1976). *Orenburgskiy pukhovyy platok* [Orenburg downy shawl]. Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo.

Chayanov, A. V. (1927). *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii* [Basic ideas and forms of organization of agricultural cooperation]. Kooperativnoe izdatelstvo.

Yanshina, M. M. (2022). Novye prakticheskie razrabotki v dizayne izdeliy na osnove Orenburgskogo pukhovogo platka [New practical developments in the design of products based on the Orenburg downy shawl]. In *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury* (pp. 3652–3654). Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. А. Захаров – соискатель кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры».

Information about the author

N. A. Zakharov – applicant, Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026, одобрена после рецензирования 24.02.2026,
принята к публикации 03.03.2026.

The article was received by the editors on 26.01.2026, approved after review on 24.02.2026;
accepted for publication on 03.03.2026.